

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

УДК 379.845(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма

Кирилл М. Королев

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия,
cyril.korolev@gmail.com*

Аннотация. На примере карельской деревни Пяльма, расположенной в Поонежье, в статье рассматривается конструирование образа традиционной севернорусской деревни бывшими и нынешними горожанами, которые, опираясь на собственные представления об аутентичности сельского, репрезентируют эту сельскую традицию для туристов-горожан, чьи знания о сельском преимущественно опосредованы массовой культурой и не подкреплены практическими умениями и навыками. Через сопоставление истории Пяльмы с другими примерами современной общественной работы с природно-культурным наследием на Северо-Западе России показывается, что типизация и музеефикация традиционной сельскости, характерная сегодня для многих регионов, в немалой степени обуславливается индивидуальными попытками сохранить деревни и обеспечить их развитие за счет привлечения туристов и деятельности в пространстве «экономики впечатлений». Отмечается, что для большинства «сезонных» жителей таких поселений, будь они местными или горожанами-дачника-ми, историчность места не имеет принципиального значения, в отличие от природных и инфраструктурных особенностей местоположения конкретной деревни. Делается вывод, что городские проекции сельскости в исторических поселениях, наблюдаемые в наши дни, постепенно все отчетливее подразделяются на общие и частные коммеморативно-туристические и личные хозяйственные практики, которые вместе образуют постпродуктивистскую «новую сельскость» исторических деревень Русского Севера.

Ключевые слова: новая сельскость, сельский туризм, русская деревня, Русский Север, наследие, природно-культурный ландшафт

© Королев К.М., 2025

Для цитирования: Королев К.М. Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 125–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

New rurality as constructed by townspeople. A case of the Pyalma historical village in Karelia

Ciril M. Korolev

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
cyril.korolev@gmail.com*

Abstract. On the example of the Karelian village of Pyalma the article considers the construction of the image of a traditional Northern Russian village by former and current townspeople. Based on their own ideas about the authenticity of the rural, they represent that rural tradition to urban tourists, whose knowledge of the rural is predominantly mediated by popular culture and is not supported by practical skills and abilities. By comparing the history of Pyalma and other examples of contemporary public work with natural and cultural heritage in Northwest Russia, it is shown that the typification and museumification of traditional rurality, characteristic today for many regions, is largely due to the individual desire to preserve the villages and ensure their development by attracting tourists and activities in the space of the “impression economy”. It is noted that for the majority of “seasonal” residents of such settlements, whether they are local or urban summer residents, the historicity of the place is not of fundamental importance, in contrast to the natural and infrastructural features of the location of a particular village. It is concluded that urban projections of rurality in historical settlements, seen today, are gradually more and more clearly subdivided into common and private commemorative-tourist and personal economic practices, which together form a post-productivist “new rurality” of historical villages in the Russian North.

Keywords: new rurality, rural tourism, Russian village, Russian North, heritage, natural and cultural landscape

For citation: Korolev, C.M. (2025), “New rurality as constructed by townspeople. A case of the Pyalma historical village in Karelia”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 125–160, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

«Новая сельскость» (она же рурализация, рурбанизация и др.¹) сегодня все чаще признается характерной чертой современного социального ландшафта². Это явление, в разнообразии своих форм свойственное не только России, но и многим другим постиндустриальным странам [Hořáková et al. 2018], побуждает исследователей переосмысливать статус и функции сельской местности – прежде всего в городском их восприятии, в городской проекции, но также и в восприятии самих сельских жителей [Богданова, Бредникова 2013]; новые смыслы и значения понятий «деревня», «деревенское», «сельское» и их производных, выявляемые в ходе многочисленных case studies, задают иную исследовательскую оптику – если угодно, постпродуктивистскую, в которой деревня и сельское вообще небезосновательно рассматриваются не столько как места аграрного производства, сколько как пространства досуга и локусы наследия (природного и культурного [Никифорова 2012; Селиваненко 2015]). Отчасти сохраняет актуальность и позднесоветская версия «деревенского мифа» [Разувалова 2015], но вряд ли подлежит сомнению, что понятие «сельское» в наши дни наполняется содержанием, принципиально отличным от того, которое вкладывали в него этнографические исследования XIX и XX столетий.

Одним из следствий нового понимания и восприятия деревни и сельскости обществом выступает изменение направления миграционных потоков между деревней и городом. Если в индустриальную эпоху, в период активной колонизации деревни, шла массовая миграция сельских жителей в города, то уже с 1980-х гг. мы вправе говорить о постепенной смене вектора: горожане все охотнее выбирают деревню в качестве места проживания, временного или даже постоянного (о причинах см. [Виноградская 2018; Прилуцкий, Лебедев 2020]), причем такое устремление отмечается и среди «бывших деревенских», которые по тем или иным причинам не смогли до конца приспособиться к урбанизированной жизни, и среди «потомственных горожан», которые – опять-таки, в силу разных обстоятельств и аксиологий – делают выбор в пользу деревни как места своего обитания. Эта обратная миграция во многом способствует возрождению села и сохранению сельского уклада – в обилии

¹ Подробнее о терминологии см [Мельникова 2020а, с. 7].

² Первая версия данной статьи была опубликована на английском языке в журнале «Крестьяноведение» за 2023 г. (Т. 8. № 4. С. 152–173). Для настоящей публикации сведения о текущей ситуации в Пяльме были дополнены и актуализированы через дискурсивный анализ карельской прессы и блогосферы (VK, Telegram).

вариантов хозяйствования, от сугубо традиционного до технически передового, когда сельское бытие оказывается лишь внешним проявлением, обусловленным местоположением («домик в деревне»), а в остальном *modus vivendi* и *modus operandi* переселенцев сохраняют преимущественно городскую модальность. Благодаря обратной миграции и усилиям в первую очередь «новых деревенских», то есть горожан, покидающих городские агломерации ради выгод сельского образа жизни (зачастую воображаемых и идеализируемых; см. [Родман 2011; Darieva et al. 2018; Пберы, Bowler 1998]), отдельные русские деревни, например, еще сравнительно недавно выглядевшие обреченными на вымирание и исчезновение, переживают второе рождение и становятся опорными пунктами развития окрестных территорий³.

Пожалуй, наиболее наглядным подтверждением этого наблюдения являются деревни Русского Севера – обширного культурно-географического пространства, локализуемого, как правило, в пределах от северо-востока Ленинградской области (Лодейнопольский и Подпорожский районы) до побережья Белого моря (Карелия и Архангельская область), а на востоке – до восточных границ Вологодской области [Шабает и др. 2012: Мельникова 2019]. В 2018–2022 гг. автор настоящей статьи неоднократно бывал – проездом и с остановками – во многих деревнях этой местности и видел воочию, как отдельные (но, разумеется, далеко не все) ранее полузаброшенные населенные пункты – скажем, вдоль реки Пинега в Архангельской области или вдоль берега озера в Поонежье – на глазах оживают стараниями «новых деревенских», которые выбрали их своим местом жительства и теперь стремятся всячески развивать сами деревни и земли вокруг (см. также [Набек 2019]). (Нельзя не отметить, что схожие явления наблюдаются также в Ярославской – см. [Куприянов, Савина 2020] – и, отчасти, Тверской областях, если принимать в расчет соседние с «северными» регионы России, тогда как в Псковской и Новгородской областях, к сожалению, процесс вымирания деревень лишь

³ Конечно, судить об успешности подобных проектов – совокупно и в каждом конкретном случае – пока несколько преждевременно, однако привлекает внимание само относительное обилие таких инициатив. О тренде дезурбанизации в современной России см., например: *Стешин Д.* Большое Переселение: из городов обратно в деревни уедут жить 2–3 миллиона россиян // Комсомольская правда. 2020 16.04. URL: <https://www.kp.ru/daily/27118/4199151/> (дата обращения 17.10.2024), со ссылкой на исследование и статистические данные Центра отраслевой экспертизы «Россельхозбанка» 2020 г.

ускоряется⁴; среди причин такого разделения, как представляется, особое место занимает, наряду с географической близостью к Москве, откуда в основном идет поток переселенцев в деревню, «культурная престижность» ярославских и тверских угодий в сравнении с новгородскими и псковскими – см. об этом [Манаков 2002]).

Настоящая статья посвящена возрождению одной из таких деревень Русского Севера – исторической деревни Пяльма в Поонежье, где с начала 2000-х годов местная «мигрантская» община совместными усилиями восстанавливает сельское поселение и пытается его развивать. В первой части работы коротко излагается история Пяльмы и дается общая характеристика способов и инструментов, которые задействованы в возрождении деревни. В третьей части рассматривается личная история бывшего горожанина, а ныне сельского жителя – уроженца Пяльмы, сыгравшего ключевую роль в трансформации деревенского пространства; в завершение ставится вопрос об особенностях процесса превращения «сельскости» в «новую сельскость» в России последних лет.

Две Пяльмы

Если ехать от Пудожа в сторону Медвежьегорска вдоль Онежского озера, человек, несведущий в местной географии, но желающий попасть в старинное онежское село Пяльма, рискует запутаться и не успеть правильно среагировать: сначала появляется не слишком-то броский указатель коричневого цвета (принятое обозначение культурных объектов), а несколько километров спустя – уже синий; если проскочил первый и свернул с трассы на втором, то неизбежно разочаруешься – «синяя» Пяльма несколько не похожа на деревню, которая считается кандидатом в члены Ассоциации самых красивых деревень и городков России (АСКДР, <https://krasaderevni.ru/>)⁵. Придется возвращаться на трассу и ехать

⁴ Об этом, в частности, неоднократно рассказывал на городском семинаре по антропологии религии в Европейском университете (СПб.) А.А. Панченко, который в 2021–2023 гг. совершил несколько полевых выездов на юг и запад Новгородской области. Материалы этих выездов в настоящее время обрабатываются и готовятся к публикации.

⁵ Как утверждалось в газете «Карелия» за март 2019 г.: «Сегодня в Карелии лишь одна деревня – Кинерма – официально включена в список самых красивых деревень России. По нашему мнению, еще несколько деревень республики могут претендовать на звание самых красивых в России: Шелтозеро в Прионежском районе, Пяльма в Пудожском

обратно до нужного поворота – прямой дороги между двумя Пяльмами нет – или вовсе откладывать посещение второй, «подлинной» Пяльмы до следующего раза. Риск промахнуться и заехать не в ту Пяльму существенно возрастает, если двигаться от Медвежьегорска к Пудожу, поскольку в этом случае первым видишь именно синий указатель (да и автомобильные навигаторы предлагают в качестве основного адреса именно «большую» Пяльму). Словом, отыскать «правильную» Пяльму не так-то просто – быть может, отчасти именно поэтому приток туристов сюда сравнительно невелик (около 2000 человек в 2020 г.⁶); впрочем, для столь небольшой деревни и это количество посетителей, по словам информантов, оказывается избыточным, а потому Пяльма в последние годы практически перестала широко себя рекламировать.

Историческая, «правильная» Пяльма, расположенная на берегах одноименной реки, в километре от Онежского озера, представляет собой «кластер» трех поселений – Новинки, Заречья и собственно Пяльмы – и ведет свою историю, как считается, с XIV столетия. Пяльма упоминалась в 1375 г. в составе владений новгородского боярина Григория Семеновича и его сыновей Обакуна и Савелия [Чернов 2021]⁷. Тот же источник сообщает, что в период церковного раскола вокруг деревни существовали многочисленные скиты Выгорецкой пустыни, а с XVIII в. Пяльма, в которой насчитывалось до 1000 жителей, стала рыболовным, промышленным и торговым центром Поонежья⁸, поддерживала хозяйственные и торговые от-

и Хайкола в Калевальском» (Шелтозеро с момента публикации заметки уже успело стать членом АСКДР).

⁶ Здесь и далее сведения о Пяльме, если не указано иное, цитируются по полевым материалам автора (беседа со старостой деревни Пяльма П.А. Поташевым, август 2020 г.; личный архив).

⁷ См. также: *Костин А.Г.* В Римской волости, на жемчужной реке (историческое обозрение деревни Пяльма): Записки пудожского краеведа // Личный блог автора. URL: <https://pudoga.livejournal.com/150435.html> (дата обращения 17.10.2024); см. также: *Нилов Е.Г.* Голоса забытых деревень: из истории пудожских деревень // Пудожские вести. 2000. 28.11 (1-я часть); 01.12 (2-я часть); 05.12 (3-я часть). (Доступно в Пудожской районной библиотеке)

⁸ Ср.: «Проехавши от деревни Мягосовой 12 верст, для перемены же гребцов остановились по полудни в шестом часу возле погоста Пильма. Во оном погосте деревянная церковь Преображению Господню и Варламию Хутынскому. Здесь на впадающей в Свирь речке Пильме, в самом устье два пильных анбара или мельницы олонецкого купца Патапа Терентьева Свисникова; в анбарах по два станка, один анбар распиливает в день от 60 до 65 бревен, и тес отправляют на больших барках в Санкт-Петербург

ношения со многими поселениями вокруг Онежского озера, вплоть до Шуи под Петрозаводском. Впрочем, сохранившаяся застройка относится к более позднему периоду – второй половине XIX в.⁹

Главные достопримечательности исторической Пяльмы – три жилых дома: дом крестьянина Н.П. Соколова и дома предстателей местного рода рыбаков и купцов Поташевых – А.Ф. Поташева и Е.Л. Поташева. (Еще один «дом Поташева» – одноэтажный «дом-кошель крестьянина Поташева», как указано на сайте музея – в 1978 г. перевезли из Пяльмы в Пудожский сектор музея-заповедника Кижь.) Кроме того, возле деревенского кладбища стоит Ильинская часовня – в честь Ильи Пророка, обнесенная резной оградой (местный церковный праздник поэтому – Ильин день¹⁰); иконостас часовни был вывезен в ходе реставрации здания в конце 1970-х гг., ныне часть икон хранится в музее истории Санкт-Петербурга, некоторое количество находится в запасниках Эрмитажа, а 12 икон экспонируются в музее изобразительных искусств Республики Карелия в Петрозаводске¹¹. Еще к числу условно-исторических сооружений можно отнести черные бани в Заречье, пусть

и Олонец» (см.: *Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 г.: Дневник / под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб.: Тип. В. Балашева, 1886. С. 16).

⁹ Что касается «синей» Пяльмы, этот населенный пункт возник на месте советского трудового поселка: в 1938 г. в исторической Пяльме разместилось 2-е Онежское отделение Белбалткомбината НКВД («Сухой Ручей») с 7 лагерями и 3 трудпоселками в окрестностях (см.: *Костин А.Г.* В Римской волости, на жемчужной реке...); сегодня «синяя» Пяльма ничем не примечательна для туриста, кроме того факта, что она заимствовала название исторической деревни и вводит в заблуждение часть приезжих. Дополнительные сведения по истории поселка Пяльма можно получить в местном музее истории Пяльмы и Пяльмского леспромхоза при Пяльмской сельской библиотеке (<http://pudozhlib.krl.muzkult.ru/pyalma>).

¹⁰ По утверждению сайта ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» (<https://monuments.karelia.ru/>), традиция престольного праздника в современной Пяльме возродилась «при содействии Пяльмского поселкового дома культуры», однако местные информанты этого не подтвердили.

¹¹ Каталог выставки «Писана икона сия при державе царя Алексея Михайловича». Работы иконописных мастерских Пудожья и Заонежья середины – второй половины XVII в.: иконы из собраний музея-заповедника «Кижь» и Музея изобразительных искусств Республики Карелия (г. Петрозаводск, 22 декабря 2017 г. – 18 марта 2018 г.). Петрозаводск: Изд-во МИИ, 2017; см. также: *Платонов В.Г.* Художественное наследие Карелии: Древняя иконопись Обонежья и западного Беломорья. Петрозаводск: Версо, 2018.

они неоднократно подновлялись, восстанавливались и переделывались с момента постройки.

В целом Пяльма по сохранности и привлекательности объектов своего наследия заметно уступает многим другим историческим поселениям России, будь то карельское, относительно близкое (350 км вокруг Онеги) село Шелтозеро, деревни Кимжа и Карпогоры в Архангельской области или село Вятское в Ярославской области (об исторических русских деревнях и о самом понятии «историческая деревня» см., например, [Дручевская, Авилова 2014]). Однако тот природно-культурный ансамбль, который образован рекой, мостом через нее, постройками по обоим берегам, часовней и окрестными лесами, создает яркий и запоминающийся ландшафт, притягательный для туристов – и во многом, как представляется, способствующий сохранению деревни в «живом» состоянии, поскольку местная община в свое время сумела оценить потенциал такого ландшафта и занялась его продвижением.

Деревня возрождается

С конца 1960-х гг. Пяльма постепенно пустела – молодые жители уезжали вместе с семьями в города (Петрозаводск, Ленинград, даже Архангельск), люди старшего поколения умирали. В результате к середине 1990-х гг. в деревне постоянно проживало не более 10 человек (столько же, сколько сегодня проживает там зимой). Но в самом конце 1990-х гг. в этом «исходе» наметился перелом – некоторые уехавшие стали возвращаться, а в 2001 г. в Пяльме, впервые в Карелии, было образовано территориальное общественное самоуправление (ТОС)¹² – община «Пяльма». Сейчас она объединяет около 70 человек; не все из них проживают в деревне постоянно, но все, как утверждает в карельской прессе, принимают посильное участие в благоустройстве поселения.

Здесь необходимо отметить, что уроженцев Пяльмы среди членов ТОС почти нет, в основном это городские жители, привлеченные местными красотами. По словам информанта, старосты П.А. Поташева, «кто по дружбе захотел помогать, кому просто у нас понравилось, вот и задержались, а кто землю себе прикупил и дом построил». При этом в Петрозаводске, как сообщается в заметке о Пяльме на сайте ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране

¹² См. справку Управления главы Республики Карелия по вопросам муниципального развития. URL: <https://www.pudogadm.ru/ekonomika/947704423/> (обращения 17.10.2024).

объектов культурного наследия», на протяжении последних семи лет ежегодно проводятся встречи «пяльмского землячества» – уроженцев деревни, которые покинули малую родину еще в позднесоветские годы (и не намерены возвращаться), но которые испытывают ностальгические чувства¹³. В заметке на указанном сайте еще говорится, что на очередной встрече земляков в «помещении Петрозаводского педагогического университета собрались люди разных возрастов и профессий...¹⁴ Люди собираются, чтобы встретить своих одноклассников, знакомых и родных, ведь большинство жителей Пяльмы – потомки старинных родов: Поташевых, Соколовых, Световых, Мостаковых. Актив общины уже много лет собирает материалы о жителях Пяльмы, об истории деревни: документы, предметы домашней утвари, орудия промысловой и хозяйственной деятельности».

Стараниями общины и при финансовой поддержке районных органов власти был отремонтирован методом «народной стройки» старый мост через реку Пяльма¹⁵; на средства гранта от респуб-

¹³ О такой «ностальгии с безопасного расстояния» (С. Ушакин) см. [Oushakine 2007; Paxson 2005] о деревенской ностальгии [Старовойтенко 2021] о локальной, а не темпоральной ориентированности ностальгии (со ссылкой на работы Э. Гидденса). Об особенностях «деревенской ностальгии» в сельской местности Русского Севера см. [Архипова 2018].

¹⁴ Заметка (Историческая деревня Пяльма. URL: <https://monuments.karelia.ru/napravlenija-dejatel-nosti/popularizacija/stat-i-ob-ob-ekta-hkul-turnogo-nasledija/pudozhskij-rajon/istoricheskaja-derevnja-pjal-ma/> [дата обращения 17.10.2024]) не датирована, но в ней сообщается, что «в этом году» (? – К. К.) представителям комитета удалось побывать на собрании землячества; отмечу также, что в материалах карельских СМИ довольно часто встречаются упоминания о пудожском землячестве, встречах земляков и деятельности этой организации, а вот о пяльмском землячестве сведений практически нет, за исключением одного видеорепортажа 2016 г. («Людей мало, но делается много»: Традиции Пяльмского землячества. URL: <https://tv-karelia.ru/lyudey-malo-no-delaetsya-mnogo-traditsii-pyalmskogo-zemlyachestva/> [дата обращения 17.10.2024]). Не исключено, что пяльмское землячество – составная часть пудожского, которое тоже собирается ежегодно в Петрозаводске, и потому староста Пяльмы уверенно говорит о «не одной сотне участников» (цит. по: Мешкова Н. В параллельных мирах // Лицей: интернет-журнал. 2011. 3 апр. URL: <https://gazeta-licey.ru/projects/russian-north/2248-v-parallelnyx-mirax> [дата обращения 17.10.2024]), подразумевая большее землячество «пудожской земли», а не землячество Пяльмы как таковой.

¹⁵ Замечу в скобках, что и после ремонта не каждый водитель отважится пересечь реку по этому мосту.

ликанского министерства по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями начались работы по восстановлению иконостаса деревянной часовни (тот же информант рассказывает: «Я и в Петрозаводске разговаривал, и в Петербург ездил, просил, чтобы разрешили копии с наших икон сделать... С меня столько денег за одну копию захотели, что я сразу понял – проще будет по картинкам [репродукциям. – К. К.] заново нарисовать¹⁶. Нашли художников, обустраиваем часовню потихоньку»)¹⁷.

¹⁶ Ср. более развернутый рассказ того же информанта: «Я давно еще обратился в музей изобразительных искусств, чтобы узнать, можно ли сделать копии с икон. Там сказали, что студенты могут сделать это бесплатно, но за материалы нужно заплатить примерно 5 тысяч за каждую икону. Для сравнения: мы на 6 тысяч в то время сумели забетонировать клеть моста (купили 2 машины бетона), купили шпатель, чтобы полностью заменить забор вокруг кладбища, 2 машины грунта и машину щебня. А тут на одну икону 5 тысяч! Это нам не по карману было. Мы тогда решили сделать фотокопии по 500 рублей за штуку. Но в музее с нас за фотографирование наших же икон запросили по 200 рублей за каждый снимок! А там их 12 икон. Я говорю: “Это же наши иконы, мы их не требуем назад – дайте нам их хоть сфотографировать бесплатно!”. А сотрудница музея мне и отвечает: “У меня приказ от министерства культуры, мы не имеем права”. На что я, конечно, ей возразил: “Даже в Санкт-Петербурге в Эрмитаже 200 рублей заплатил – и щелкай хоть целый день, а тут за каждую икону 200 рублей!” У меня с собой только 200 рублей и было. Мы щелкнули одну икону и уехали. С другой стороны, нет худа без добра. Мы сделали копии икон, это намного качественнее. Каким образом? К нам несколько раз приезжали из филиала Академии наук, даже хотели провести здесь правительственную коллегию. Но в итоге провели коллегию министерства национальностей (Республики Карелия. – К. К.). Приехал министр со всей своей свитой, мы озвучили ему наши проблемы, и он посоветовал нам поучаствовать в конкурсе проектов. Я написал проект “Историческая память”, и мы выиграли этот конкурс, получили грант. Нам министерство национальностей выделило 50 тысяч рублей, на которые мы заказали в иконописной мастерской 5 икон. Потом таким же образом через (республиканское. – К. К.) министерство культуры сделали еще 5 икон» (цит. по: *Куракина Е.* Богатство деревни Пяльма // Портал «Общественный контроль», рубрика «Туризм». 08.10.2016. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/tourism/74435-bogatstvo-derevni-pyalma.html> [дата обращения 17.10.2024]).

¹⁷ К сожалению, часовня открывается только по церковным праздникам и для поминальных служб; в день, когда автор статьи был в Пяльме, часовня стояла закрытой, и увидеть, как ведутся работы по восстановлению иконостаса, не удалось. Летом 2024 г. в Пяльме по приглашению

Также община пытается привести в порядок грунтовую дорогу от трассы А-119 до деревни, подсыпает по необходимости гравий («ребята трассу ремонтировали, я с ними договорился, пустили их в баню помыться, а они нам гравия отсыпали») и вырубает кусты по обочинам, а еще – следит за состоянием деревенских домов. На сайте ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» утверждается, что эти работы ведутся местными жителями под контролем специалистов центра¹⁸, однако в ходе беседы с информантом – старостой деревни – об участии центра в сохранении деревни не упоминалось («сами, своими руками все строим и восстанавливаем, сами стройматериалы находим и делаем»)¹⁹.

С 2014 г. в Пяльме усилиями общественников-экологов и местных жителей проводится Лесной фестиваль – просветительское мероприятие, посвященное заботе о лесных массивах и особо охраняемых природных территориях. Из-за пандемических ограничений в 2019–2021 гг. фестиваль не состоялся, и остается лишь догадываться, будет ли он проводиться далее. Группа фестиваля в социальной сети «ВКонтакте» (200 участников) неактивна, иной информации в локальных новостях не найти, а местные жители отвечают уклончиво, рассказывая в основном о фестивалях прошлых лет; велик шанс, что история этого начинания оборвалась. Так или иначе, та информационная волна, которую удалось поднять вокруг Пяльмы благодаря фестивалю (особенно в 2015 г., когда проводился второй по счету фестиваль²⁰), все же немало помогла «раскрутить» деревню: именно с этого времени можно говорить об относительно стабильном туристическом потоке в Пяльму.

местного ТОС работала команда архитекторов-реставраторов из музея-заповедника «Кижы», которая частично восстановила успешную заново обветшать часовню.

¹⁸ См.: Историческая деревня Пяльма. URL: <http://monuments.karelia.ru/napravlenija-dejatel-nosti/populjarizacija/stat-i-ob-ob-ektah-kulturnogo-nasledija/pudzhskij-rajon/istoricheskaja-derevnja-pjal-ma/> [дата обращения 17.10.2024].

¹⁹ Возможно, такие разночтения в трактовках обусловлены той «политикой памяти», которой придерживается деревенский староста и которая подразумевает, насколько можно судить по его рассказам, немалое преувеличение собственной роли (как самого старосты, так и общины) в возрождении и обустройстве деревни; подробнее см. следующий раздел статьи.

²⁰ О современных фестивальных проектах, призванных развивать сельские территории и формировать локальные бренды, см. [Гаврилова 2016].

Еще в деревне сохраняется и развивается практика мастер-классов для организованных туристов и для местных активистов: так, в рамках проекта «Когда деревни были большими» (лето 2020 г., при поддержке Фонда президентских грантов, Пудожский район²¹) была организована целая «ремесленная» секция – «Традиционные промыслы и ремесла Пудожья», а темы мастер-классов возвращали участников к додеревенному быту и укладу – «Плетение из сосновой дранки», «Строение бань в старину», «Ловля рыбы старинными способами»²². Кроме того, в деревне существует – и иногда открывается для посетителей – музей сельской жизни, экспонаты которого вполне привычны для краеведческих провинциальных музеев такого рода²³.

Вообще, насколько можно судить по личным наблюдениям и по тем публикациям, которые время от времени появляются в районной и республиканской прессе, а также в туристических блогах²⁴, сельская община Пяльмы в последние годы отказалась от широкой публичности своего проекта и выбрала стратегию «точечного» присутствия в публичном поле и сугубо локального приложения усилий к развитию деревни. Это обстоятельство вряд ли вызовет удивление, если принять во внимание тот факт, что за возрождением деревни и за ее нынешней известностью стоит фактически всего один человек, чьи силы, разумеется, не беспредельны.

²¹ О самом проекте см.: Энтузиасты пытаются спасти сохранившиеся деревни в Карелии // Портал «Петрозаводск говорит». URL: <https://ptzgovorit.ru/news/my-est-entuziasty-pytayutsya-sohranit-ostavshiesya-derevni> (дата обращения 17.10.2024); заметку в газете «Пудожский вестник», URL: https://vk.com/wall-48215791_18845 (дата обращения 17.10.2024), а также описание проекта «Когда деревни были большими» // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=E0DE22E6-4D1B-4320-A380-946370E38A4F> (дата обращения 17.10.2024).

²² Промыслы и ремесла Пудожья // Пудожский вестник. 2020. 14 авг. URL: https://vk.com/wall-48215791_18653 (дата обращения 17.10.2024).

²³ Об обычных и необычных сельских музеях см., в частности, [Куприянов, Савина 2020], а также беседу фольклориста В.В. Головина и К.М. Королева на портале «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/muza> (дата обращения 17.10.2024) и материалы аналитического сетевого проекта «Новый Музеон» с описанием ряда сельских музеев Северо-Запада РФ (группа проекта «Новый Музеон» в ВК: <https://www.vk.com/newmuseon>).

²⁴ См., например, блог «За гранью будней» (<https://holiday-trips.ru/>), материал 2015 г.

Личная история в современной истории Пяльмы

Когда изучаешь статьи в прессе и туристические блоги, посвященные Пяльме, сразу бросается в глаза, что буквально во всех материалах о деревне после 2001 г. (год образования ТОС) встречается одна и та же фамилия – Поташев: именно этот человек рассказывает гостям о деревне, проводит мастер-классы и редкие экскурсии в местном музее, занимается благоустройством, отвечает за коммуникацию с «внешним миром» (от представления интересов общины в контактах с органами власти до чисто хозяйственных отношений; ср. выше рассказ о «бартере» со щебнем для дороги), участвует в публичных общественных мероприятиях – словом, выступает как своего рода «персональный бренд» и олицетворение Пяльмы²⁵. В известной мере это объясняется его положением в общине – П.А. Поташев является старостой деревни; однако сводить все к «положению, которое обязывает», было бы, как представляется, не совсем корректно. Вся деятельность Поташева после возвращения в Пяльму – он уехал из деревни в 1970-х гг., поступил в университет в Петрозаводске, где впоследствии и осел, а в деревню вернулся в первой половине 1990-х гг. и занялся фермерством – выглядит со стороны осознанной попыткой «присвоить» себе это место – по праву рождения, в силу принадлежности к местному роду рыбаков, лесопромышленников и купцов и в силу собственной предприимчивости, которая побуждает выдвигать все новые и новые инициативы по развитию деревни, откликаться на возможности, предлагаемые текущей общественно-политической и социально-экономической повесткой (тот же Лесной фестиваль вырос из «народного» экологического проекта по созданию заказника «Река Пяльма»²⁶), и превратить Пяльму,

²⁵ Гораздо реже в СМИ упоминается фамилия другой уроженки Пяльмы – Т.П. Керимовой, которая ведет мастер-классы по карельской вышивке.

²⁶ *Яровой Г.* Пусть тебе приснится Пяльма... с галдарейкой: Репортаж с Лесного фестиваля в исторической карельской деревне Пяльма // Портал «Горизонтальная Россия», раздел «Карелия», материал от 19.08.2015. URL: <https://semnasem.org/articles/2015/08/19/pust-tebe-prisnitsya-ryalma-s-galdarejkoj> (дата обращения 17.10.2024). Также см. страницу, посвященную фестивалю и заказнику, на сайте проекта «Леса высокой природоохранной ценности», развиваемого российским отделением Всемирного фонда дикой природы (<https://hcvf.ru/ru/news/events/starostaderevni-pyalma-petr-potashev-mechtaet-sohranit-netronutuyu-karelskuyu-taygu-dlya>).

если воспользоваться выражением С. Панцер-Краузе [Panzer-Krause 2019], в «изюминку (hotspot) сельского туризма».

Когда Поташев покидал Пяльму в 1970-х гг., деревня уже была причислена к бесперспективному, то есть обреченному на уничтожение [Судьбы 1995; Мазур 2005; Калугина, Фадеева 2009]. Поэтому решение молодого человека (1953 года рождения) осесть в крупном городе казалось вполне логичным, однако, по словам старосты, ему всегда хотелось вернуться; правда, он «боялся прослыть тунеядцем, ведь работы в деревне не было: местную лесопилку перевезли в соседний поселок»²⁷. В общем-то, перед нами довольно типичная позднесоветская жизненная траектория сельского жителя [Ковалев 2009], но в эту траекторию вмещались перестройка и озвученная государством поддержка кооперативного и фермерского движений: Поташев откликнулся на этот призыв и взял в аренду сельхозугодья вокруг родной деревни.

Вообще со стороны складывается впечатление, что при иных внешних обстоятельствах Поташев почти наверняка, если судить по его собственным высказываниям, остался бы в городе, а историческая Пяльма разделила бы, скорее всего, участь множества исчезнувших деревень Русского Севера. Во всяком случае, его изложение истории умирания и возрождения поонежской деревни оказывается именно историей личного и непосредственного участия бывшего советского служащего в ее спасении («в другую деревню я бы не смог вернуться»²⁸). Но «романтизированная версия» возрождения Пяльмы (безусловно, она имеет право на существование и вполне может соответствовать фактическому ходу событий и фактическим интенциям их участников) внушает все-таки определенные сомнения: скорее, нынешний статус исторической деревни – результат коллективных усилий ТОС (и, быть может, условного землячества) и следствие комплексного воздействия целого ряда социально-экономических факторов. А та «политика памяти», которую проводит нынешний староста, объясняется его собственным целеполаганием – при молчаливом одобрении (или безразличии) других жителей деревни, поскольку те заняты прежде всего организацией своего персонального сельского досуга.

По рассказу Поташева, он по приезде в деревню занял наиболее пригодный для жилья и выгодно расположенный на пригорке

²⁷ Яровой Г. Указ. соч.

²⁸ Цит. по: Житель Карелии уже 33 года оживляет родную деревню // МК RU. Карелия, 17.09.2023. URL: <https://karel.mk.ru/culture/2023/09/17/zhitel-karelii-uzhe-33-goda-ozhivlyaet-rodnuyu-derevnyu.html> (дата обращения 17.10.2024).

пустовавший дом (родовой, но не своей семьи) и несколько лет его восстанавливал на собственные средства; а потом неожиданно прибыли хозяева дома, не появившиеся в Пяльме много лет, поблагодарили за заботу о жилище – и «предложили, как говорится, освободить помещение, бумаги показали, все как положено». Ныне староста обживает и ремонтирует семейный дом (А.Ф. Поташева), где также размещается и деревенский музей.

По туристическим блогам (см., в частности, блог «За гранью будней», или блог пользователя Vikni на портале LiveJournal²⁹) складывается забавное впечатление – Поташев неизменно первый, кого встречают гости, попадая в деревню³⁰. Сам автор настоящей статьи тоже столкнулся со старостой прямо на мосту через реку, тогда как все прочие жители деревни (собственно Пяльмы, не Новинки или Заречья) не показывались на глаза. Поневоле напрашивается предположение, что староста, когда он в деревне, считает своей обязанностью поджидать туристов, занимаясь «для вида» повседневными делами (в моем случае он возил на тачке гравий с дальнего берега реки). Это, разумеется, лишь допущение, и староста в ответ на прямой вопрос по этому поводу отшутился – мол, так совпало, только и всего, «видите, я же работаю»³¹, – но некоторая навязчивость присутствия Поташева в деревенском публичном пространстве, будь то физическом или виртуальном (материалы СМИ), подводит к мысли, что для старосты, который с течением времени из-за бюрократических препон разочаровался в фермерстве, зато сумел оценить все преимущества развития сельского туризма для сохранения деревни как таковой и местного ландшафта в целом, такое присутствие является неотъемлемой частью деятельности по развитию территории через продвижение туристического продукта. Не будет преувеличением сказать, что Поташев является «лицом» Пяльмы (самоназначенным или с одобрения общины – установить не удалось), а его личная история отъезда с малой родины и последующего возвращения удачно вписывается – возможно, была осознанно вписана – в конструируемую историю деревни как историю возрождения почти утраченных традиции и уклада.

²⁹ Личный блог: «Вечер в карельской деревне Пяльма», запись от 22.09.2019. URL: <https://vikni.livejournal.com/176039.html> (дата обращения 17.10.2024).

³⁰ Знакомые автора статьи, которые путешествовали вокруг Онеги весной 2022 г. и заезжали в Пяльму, также рассказывали, что первым им встретился не кто иной, как староста.

³¹ Судя по интервью Поташева СМИ, часто от него слышат и другой ответ: «Не хочу туда, где пальмы, а хочу остаться в Пяльме».

Пообщаться с другими жителями деревни, к сожалению, не вышло – они избегают общения, и поэтому основными материалами служат статьи в прессе и исследовательские работы. Показательно, что практически во всех публикациях³² авторы, рассуждая о деревне в целом, ссылаются все равно, как правило, на П.А. Поташева, который выступает в роли «голоса Пяльмы». В этом отношении полной противоположностью Пяльме выступают карельская же Толвуя (Медвежьегорский район), где «голосом» и «лицом» общины является не какой-то отдельный человек, а общественный совет, или село Великая Губа (тот же район), где имеется коллектив местных активистов [Морозова 2006, с. 168–169]. Так или иначе, в Пяльме как будто нет ничего «помимо Поташева» – точнее, рода Поташевых, поскольку, как удалось выяснить, еще одна представительница этого рода, сегодня проживающая в Петрозаводске, ведет стихотворную летопись деревни и тем самым тоже участвует – опосредованно – в конструировании истории Пяльмы (увы, это сочинение находится вне публичного доступа, даже отрывков нет на странице автора в социальной сети «ВКонтакте», а мой прямой запрос был автором проигнорирован³³). Не будет преувеличением сказать, что общее ощущение «поташевизации» преследует всякого, кто в наши дни пожелает углубиться в жизнь Пяльмы.

Разумеется, любое мало-мальски тщательное полевое исследование наверняка покажет, что в исторической Пяльме и вокруг нее много всего «помимо Поташева», но в силу обстоятельств, о которых уже упоминалось, пообщаться с другими местными жителями не удалось. В итоге история возрождения деревни сегодня преподносится стороннему наблюдателю именно голосом и глазами Поташева, и в этой истории староста оказывается главным героем.

Пяльма в старом и новом пространстве русской деревни

Приблизительно с середины 2000-х гг. на территории России стали все чаще возникать и фиксироваться общественные инициативы, подпадающие под определение политики памяти в ее

³² См. [Морозова 2006; Миронова 2010; Пермиловская 2011] и др.

³³ «Одной из рода Поташевых... написаны современные стихи, описывающие жизнь в Пяльме в хронологическом порядке» [Морозова 2006, с. 173].

«низовом» (grassroots) варианте³⁴: это и появление многочисленных частных / «народных» музеев³⁵ самой разной тематической направленности [Королев 2018; Черкаева 2019; Шехватова 2021], и популяризация реконструкторских движений и мероприятий [Колосков 2021]³⁶, и прочие практики «стихийной» коммодификации памяти (локальный и региональный брендинг через публичную «фольклоризацию» местной истории – см. [Ахметова, Петров, Байдуж 2018; Петрова 2013]; мемориализация природных и культурных ландшафтов посредством общественных экологических и краеведческих проектов – см. [Прохорович 2017]; и др.). В этот же ряд можно включить попытки локальных сообществ и отдельных местных активистов музеефицировать и коммодифицировать сельское наследие [Сельская Россия 2019; Нефедова 2013]. Как правило, такие попытки предпринимаются бывшими горожанами, которые перебираются в сельскую местность и стараются ее джентрифицировать, или «культурно реновировать», как выразился один из чиновников Ленинградской области, руководствуясь комплексом меркантильных, ностальгических, культурологических и даже патриотических соображений [Мельникова 2020b]; они превращают деревенские строения и окружающие пейзажи в том числе в туристические объекты – и тем самым радикально меняют функцию деревни: сам деревенский труд утрачивает – разумеется, не до конца, учитывая неизбежные инфраструктурные и экономические издержки сельской жизни – свой преимущественно аграрный характер и становится во многом «сервисным», т. е. городским [Петриков 2020].

Эта трансформация сделалась сегодня настолько заметной, что ощущается потребность каким-то образом упорядочить обилие низовых инициатив такого рода; появляются некоммерческие партнерства (наподобие уже упоминавшейся Ассоциации самых красивых деревень России, которая действует с 2014 г.) и иные

³⁴ Политика памяти, будучи разновидностью символической (или исторической) политики, есть стремление утвердить в настоящем те или иные способы интерпретации социальной реальности прошлого (ретроспективная реконструкция прошлого применительно к потребностям настоящего, как писал П. Бурдьё – см. [Бурдьё 2007]).

³⁵ Подробнее см. [Королев 2021].

³⁶ См. также интервью директора музея «живой истории» (ныне – парка «Бастион» в г. Сортавала) А.В. Тестова: Музей живой истории в Березово (Ленинградская область) // Электронный журнал «Пространство памяти. 2017. Вып. 3–4 (7). С. 7–13. URL: <http://patriacenter.ru/mag/> (дата обращения 17.10.2024).

общественные организации (например, объединения местных частных музеев), призванные организованно продвигать российскую сельскую глубинку, в том числе во взаимодействии с государством³⁷, повышать ее туристическую привлекательность (усугубляя коммодификацию сельского образа жизни; см. [Осипов и др. 2019]) и способствовать сохранению и возрождению русских деревень, пусть даже понятие «деревня» наполняется при этом неким новым, отличным от традиционного содержанием.

В регионах Северо-Запада (и не только) России процесс «преображения села» идет, что вполне объяснимо, неравномерно, постепенной туристизации подвергаются в первую очередь поселения, расположенные поблизости от федеральных и региональных авто-трасс – в пределах транспортной доступности с точки зрения среднестатистического путешественника – или находящиеся недалеко от региональных и локальных городских центров (скажем, село Вятское под Ярославлем, «штаб-квартира» АСКДР, или деревня Ложголово под Сланцами в Ленинградской области, где ежегодно³⁸ проводится для всех желающих фестиваль «Большие святочные гулянья», привлекающий немало участников и зрителей³⁹). В ряде случаев туристизация оказывается настолько масштабной, прежде всего по количеству приезжающих, что местные жители начинают страдать от последствий так называемого сверттуризма (*overtourism*; см. [Milano et al. 2019]): скажем, в январе 2017 г. жители карельской деревни Кинерма, первой среди деревень Карелии

³⁷ См. об этом, например: *Мозганова В.* Сельский туризм: красота – понятие экономическое // Портал «Business FM». URL: <https://www.bfm.ru/news/477402> (дата обращения 17.10.2024).

³⁸ В 2024 г. гуляний не было, но планируется возобновление праздника в январе 2025 г. С другой стороны, та же инициативная группа провела в 2024 г. сельский «Спелый фестиваль» в Лужском районе Ленинградской области в рамках проекта «Съезжий праздник».

³⁹ С другой стороны, этот фактор не всегда выступает определяющим: скажем, карельская Кинерма или архангельская деревня Кильца расположены достаточно далеко от основных трасс и урбанистических центров, но данное обстоятельство лишь повышает их привлекательность в глазах бывалых автотуристов, которые едут в глубинку за «подлинной стариной» и готовы преодолевать сравнительное бездорожье (из беседы с петербургским гидом-проводником, личный архив). Здесь уже, как представляется, сказываются умонастроения, свойственные определенной доле современных горожан и во многом родственные тому стремлению «познать истинную Россию», которое когда-то увлекло «в деревню, к народу» часть позднесоветской интеллигенции [Разувалова 2015; Неплюев 2020] и др.

вошедшей в список самых красивых деревень России от АСКДР, пожаловались в республиканское министерство культуры на чрезмерный наплыв туристов – «все население (деревни. – К. К.) насчитывает пять человек, а на территории 16 домов, из которых шесть являются памятниками архитектуры. За 2016 год деревню посетило около трех тысяч туристов. <...> Деревня физически не может принять всех путешественников, приехавших без предварительной заявки»⁴⁰. Тем не менее туристизация деревенского Русского Севера, если учитывать только эту территорию, продолжается, и многие умирающие деревни в той же Архангельской области, к примеру, стараниями бывших горожан создают у себя локальные «точки интереса», чтобы спасти поселения от окончательной гибели [Драникова 2017; Иванова 2019].

Историческая Пяльма в ее нынешнем облике может служить наглядным образцом такой туристизации. В качестве хозяйствующего субъекта деревня «умерла» еще в позднесоветский период, и фермерские авантюры 1990-х гг.⁴¹ этого положения не изменили, а возрождение деревни напрямую связано с пропагандистскими усилиями местной общины и лично старосты Поташева по привлечению туристов. Все общественные инициативы последнего десятилетия в Пяльме, включая Лесной фестиваль, были направлены на популяризацию поселения как «хранилища» сельской традиции и средоточия местного природно-культурного ландшафта (так, арт-объект в форме мандалы, представленный на одном из Лесных фестивалей, отражал, по замыслу создателей, потребность в сохранении «карельской тайги» вокруг Пяльмы, бесконечность «любви к земле, к лесу и взаимное существование человека и природы»⁴². Даже в неявном противостоянии с одноименным соседним поселком подчеркивается аутентичность деревни как «оплота» традиции: «Они – новые, настоящая Пяльма вот тут, у нас, а там (в поселке. – К. К.) лесхоз был, тайгу рубили безоглядно, такую красоту уничтожали, хотя люди у нас всегда в согласии с природой

⁴⁰ Цит. по: *Лысенко Я., Семенова А.* Пять минут славы российской глубинки: Как живут в ставших знаменитыми населенных пунктах России // Портал «Газета.ру». 29.01.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/01/27/10495931.shtml?updated> (дата обращения 17.10.2024).

⁴¹ О них см., в частности, [Нефедова 2019]; староста деревни сегодня сам характеризует свои попытки уйти в фермеры как «авантюру».

⁴² Цит. по: *Поташов В.* В исторической карельской деревне построили мандалу // Портал «Вести Карелии». URL: https://vestikarelii.ru/social/v_istoricheskoy_karel_skoj_derevne_postroili_mandalu/ (дата обращения 17.10.2024).

жили». Эта сельская традиция в ее туристической репрезентации и является, собственно, сегодня залогом существования Пяльмы как самостоятельного поселения – во всяком случае, в изложении старосты, и туристы, насколько можно судить по блогам и отчетам, едут в Пяльму именно за традицией (как они ее понимают).

Местные активисты, как правило, превращают деревенский ландшафт или какой-либо его элемент в туристический продукт, опираясь на собственные представления о красотах села, особенностях и ценностях сельской жизни; эти представления во многом обуславливаются, конечно, влиянием массовой культуры, которая – через «пейзажный патриотизм» школьных учебников с отрывками классических «деревенских» текстов, СМИ и визуальных образов медиа [Штырков 2016; Желамский 2018] – навязывает обществу некие стереотипы восприятия сельскости. Тем самым такие активисты (и местные власти, если те поддерживают подобные общественные инициативы), оказываются и производителями обобщенной, условной сельскости, и потребителями коллективного знания о сельском [Panzer-Krause 2019, p. 7], а в результате, даже располагая они какими-то оригинальными идеями и решениями применительно к демонстрации сельского, им приходится адаптировать – в той или иной степени – свои оригинальные идеи под массовый спрос (масс-культурный образ), так что «всюду видим привычные прялки, веретена и колыбельки»⁴³ (это вовсе не сугубо российское явление – например, о сходном воздействии туризма на вернакулярную индейскую культуру см. [Deitch 1987]). Туристы же едут в деревню за сельской идиллией, каковая им рисуется под воздействием все той же массовой культуры, и достаточно сильно разочаровываются – сужу по собственным впечатлениям от общения с несколькими группами организованных туристов и местными активистами в Архангельской области в 2019 (Каргополье) и 2020 гг. (Пинежье, Мезень), – если их ожидания не оправдываются.

Показательно, что локальные репрезентации сельскости и туристские ожидания – если воспользоваться выражением Д. Макканелла [MacCannell 1976], их в совокупности можно охарактеризовать как «инсценированную» или «постановочную аутентичность» (staged authenticity) – в равной мере формируются не сельской, а городской культурой, поскольку именно городская, урбанизованная культура сегодня выступает в качестве массовой (о становлении и «урбанизации» массовой культуры в России см. [Королев

⁴³ См.: Головин В.В. Традиция и фольклор в наши дни: Видеозапись // Портал «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/muza> (дата обращения 17.10.2024).

2019, с. 92–101, 157–211]), и это обстоятельство не может не сказываться на представлениях об аутентичности сельской «пасторали», которую, в общем-то, обе стороны пытаются вообразить, репрезентировать и «законсервировать». В такой ситуации производитель «законсервированной» сельскости, сам в подавляющем большинстве случаев бывший горожанин, предлагает посетителям деревенской локации туристический продукт, который вряд ли может считаться подлинно сельским, но который вполне отвечает распространенным, преобладающим воззрениям на то, что такое сельскость.

Историческая Пяльма сегодня – как раз пример подобных распространенных воззрений. Начиная от грунтовки, что ведет от трассы к деревне, и моста без перил через реку до самой реки, часовни над нею, частично заслоняемой ивами, и добротных, пусть слегка обветшалых снаружи старинных крестьянских домов, эта деревня вполне соответствует расхожему образу традиционного сельского поселения на Русском Севере (о таком образе см., например, [Пермиловская 2011; Усов 2021] и др.). А экскурсии, которые устраивает местный староста, мастер-классы, которые он проводит, приемы и практики общения с гостями, общественная деятельность, которой он занимается, органично дополняют этот городской образ северорусской деревни и явно рассчитаны на потенциального туриста, способного своим визитом – и последующим тиражированием впечатлений посредством «сарафанного радио» и интернет-среды, благодаря чему в Пяльму тянутся новые гости⁴⁴ – продлить текущее существование деревни в качестве исторического поселения и главной изюминки конкретного природно-культурного ландшафта. При желании этот турист может задержаться в окрестностях деревни на несколько дней (по соседству с Пяльмой имеется гостевой дом; о гостевых домах на Русском Севере, создаваемых горожанами для других горожан, см. [Аверкиева 2020]) и более глубоко вжиться в здешнюю «сельскую идиллию» – без необходимости осваивать на практике традиционный деревенский быт с его особенностями, малопривлекательными для современного горожанина. «Инсценированная аутентичность» в сочетании с привычными

⁴⁴ Из недавней беседы с гидом-проводником, который составил автомобильный туристический маршрут вокруг Онежского озера: «После Медвежьегорска и Сандармоха как не заехать в Пяльму? Все знают, что это историческая деревня» (полевые материалы автора). Обобщение «все» можно списать на экспрессию собеседника, глубоко погруженного в тематику своей деятельности, однако оно подчеркивает и отражает несомненную известность Пяльмы в «пространстве молвы» (П. Щедровицкий).

городскими удобствами (горячая вода, туалет в помещении и пр.) обеспечивает как раз ту картину, которую желает увидеть горожанин-путешественник в сельской местности, – и это означает, что «новая сельскость» в том виде, в каком ее предлагает нынешняя Пяльма, будет, скорее всего, воспроизводиться и далее.

При этом сверхтуризм Пяльме вряд ли грозит, учитывая отдаленность деревни от локальных городских центров (до ближайшего крупного города, Петрозаводска, 250 км вокруг Онеги⁴⁵, до Вологды 530 км, до Санкт-Петербурга – почти 700 км); приток туристов едва ли станет по-настоящему массовым, доберутся сюда лишь те, кто поедет целенаправленно.

Что дальше?

Как уже отмечалось, во многом нынешняя Пяльма – это ее староста П.А. Поташев. Если он по каким-либо причинам утратит интерес к своему детищу⁴⁶ (что, впрочем, пока представляется

⁴⁵ Приблизительно такое же расстояние отделяет Вологду от Тотьмы, которая тоже находится в стороне от основных маршрутов (трасса Москва – Вологда – Архангельск), однако которая в последние годы усилиями местных активистов стала образцом для подражания в масштабах если не всей страны, то европейской части России с точки зрения эффективной работы с наследием и природным ландшафтом; но здесь нужно делать поправку на статус поселения: Тотьма – районный центр, некогда уездный и купеческий город, средоточие торговых путей, а Пяльма – деревня, давно лишившаяся своего хозяйственного значения. Кроме того, в Тотьме сложился коллектив единомышленников, увлеченных идеей освоения и приумножения наследия, тогда как в Пяльме, повторюсь, многое зависит всего от одного человека. Поэтому сравнивать Пяльму с Тотьмой на основании сопоставимых расстояний от крупных городов было бы некорректно. О Тотьме и местных проектах см. [Мастеница 2020; Чернега 2020], а также: Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее. Краеведческий альбом / Тотемское музейное объединение (кол. авт.; отв. ред. и сост. А.В. Кузнецов, А.М. Новоселов). Череповец, Тотьма: Порт-Апрель, 2019.

⁴⁶ Любопытно, что в сентябре 2022 г. в обсуждении сообщения об очередной межрегиональной конференции «Развитие форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в Северо-Западном федеральном округе» в социальной сети «ВКонтакте» со стороны Ассоциации ТОС Республики Карелия по поводу общины в деревне Пяльма было заявлено следующее: «Про результаты работы этого ТОС информации в Ассоциации мало, так как в региональных конкурсах он практически

маловероятным, если отталкиваться от его слов и той активности, которую он проявляет) или отойдет от дел в силу возраста, какие перспективы ожидают деревню?

В своем интервью для видеосериала «Частный музей: курс молодого бойца» в рамках аналитического сетевого проекта «Новый Музеон» директор музея Дороги жизни в деревне Кобона Ленинградской области С.В. Марков признался, что его сильнее всего беспокоит судьба музея в относительно близком будущем, лет через 10–15, когда он сам уже не сможет из-за возраста уделять музею должное внимание: «Дети интереса не проявляют, и не только у меня. Говорят, нам неинтересно. Так что вопрос, поднимет ли кто выпавшее знамя, так сказать. Вот что волнует»⁴⁷. Эти опасения разделяют многие создатели частных музеев Северо-Запада, с которыми автору настоящей статьи довелось общаться.

Полагаю, что схожие чувства должен испытывать и староста Пяльмы – ведь среди односельчан, как он сам говорит, преемника в общественных делах пока не видно⁴⁸.

Более того, остальное население Пяльмы – как более многочисленное «летнее», или дачное, так и скудное «зимнее» – не стремится, похоже, к сколько-нибудь активному участию в публичной деятельности по сохранению исторической застройки и окружающего ландшафта, довольствуясь ведением собственного хозяйства и организацией собственного досуга. Такой образ сельской жизни характерен для многих современных русских деревень⁴⁹: основную часть жителей составляют бывшие горожане, которые выкупили деревенские дома и переселились из города в сельскую местность, и дачники; занятия – преимущественно ведение подсобного хозяйства (сад и/или огород), рыбалка и реже охота, а быт все более сближается с городским (водопровод, биотуалеты и т. д.).

не участвовал. Участие отмечено в конкурсе социально значимых проектов ТОС в 2018 г., а в конкурсах, проходивших в Республике в последнее время, таких как Лучшее ТОС, Лучшая практика ТОС, Лучший праздник деревни (села), Самое красивое село (деревня) данный ТОС не заявлялся» (орфография источника сохранена, URL: https://vk.com/wall-169034427_1349?w=wall-169034427_1349 [дата обращения 17.10.2024]).

⁴⁷ Марков С.В. Интервью для проекта «100 минут музейной практики». Видеозапись // Портал «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/100m/> (дата обращения 17.10.2024).

⁴⁸ О личном факторе в современных «народных» проектах см. [Лебедев 2007].

⁴⁹ Ср. недавнее исследование жизненного уклада в нескольких исторических поселениях Ленинградской области ([Алексеев и др. 2020]).

Так или иначе, судьба исторической Пяльмы и ее наследия, на мой взгляд, тесно связана с деревенским старостой и его «политической деревенской памяти», при всей конвенциональности последней. (Конечно, сказанное не означает, что утрата исторического статуса – если такое вдруг случится – помешает Пяльме сохранить статус сельского поселения как такового, но это будет уже другая Пяльма – не историческая и туристическая локация, а место для выездов на рыбалку или «дачная» деревня с огородами.)

Эта политика, суть которой состоит, как кажется, в реализации коммеморативно-туристического сценария для сохранения деревни, предусматривает овеществление типичных – насколько можно судить по исследовательским работам в этой области – российских городских проекций «сельскости», от сбережения и презентации деревенского пейзажа с косогором и березками⁵⁰ (в этой связи показательным видится включение в российский список Всемирной туристской организации в 2021 г. тульской деревни Бехово, которая привлекла внимание ВТО именно таким пейзажем⁵¹) до местной часовенки как неотъемлемого элемента ландшафта, до неперемного (и традиционного по содержанию) деревенского музея – и до воспроизведения популярных хозяйственно-бытовых практик сельской жизни в форме мастер-классов и «игрищ», рассчитанных на внешнюю аудиторию, но уже чуждых современной сельской повседневности. Подобная коммеморация былого уклада находит отклик у туристов-горожан, желающих приобщиться к «крестьянской старине». Сельскость оказывается, в полном соответствии с принципами массовой культуры, клиши-

⁵⁰ Ср., например, виды на сельские просторы с недавно реконструированных (или специально построенных) набережных в малых городах России – от Вельска в Архангельской области до Вязьмы в Калужской (нарочно беру именно те малые города, где набережная расположена сравнительно далеко от реки); в этих случаях, как представляется, посетителю места предьявляется именно репрезентация / проекция «сельскости» в облике окрестной природы, которой предлагается любоваться как одной из достопримечательностей локации [Вандышев и др. 2022; Пономарева и др. 2022].

⁵¹ А также из-за присутствия на ряде картин В.Д. Поленова (поблизости находится и музей-заповедник «Поленово»). См.: *Гершкович Е.* «Москвич за МКАДом»: в Тульскую область за яблоками «дворяниновка», вареньем из йошты и зеленой палочкой счастья // *Москвич mag* (сетевое издание). URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskvich-za-mkadam-v-tulskuyu-oblast-za-yablokami-dvoryaninovka-varenem-iz-joshty-i-zelenoj-palochkoj-schastyu/> (дата обращения 17.10.2024).

рованным и клишируемым воображаемым продуктом, который предъявляется в «естественных» условиях – если сравнивать с краеведческими музеями или такими заповедниками сельского зодчества, как архангельские Малые Корелы, новгородские Витославицы или тверское Василево – и который поэтому воспринимается потребителями как подлинный опыт постижения сельского (в равной степени исторического и современного⁵²). Производитель и потребитель этого опыта, будучи оба горожанами (пусть один – в недалеком прошлом, но связей с городом не теряет) и воспроизводя модели городской массовой культуры, говорят вдобавок на одном культурном языке, что существенно облегчает коммуникацию и способствует закреплению и тиражированию такого условно-лубочного образа «живой поонежской деревни». Не исключено, кстати, что этот подход будет взят на вооружение в других исторических поселениях Русского Севера (и не только), где предпринимаются попытки сохранить и «оживить» деревню: историческое ядро выделяется и как бы фиксируется в своем «открыточном» виде, вокруг него складываются / организуются коммеморативные и хозяйственные практики, приносящие доход на поддержание этого вида, а остальное пространство поселения постепенно застраивается в соответствии с пожеланиями нынешних «сезонных» жителей – как, собственно, и происходит сегодня в исторической Пяльме. Такой вариант «новой сельскости» вполне способен, как представляется, стать востребованным у горожан, выбирающих сегодня деревню местом своего проживания и приложения усилий (при том условии, разумеется, что они заинтересованы в сохранении исторического ядра поселения, а не только в обретении возможностей для сельского досуга)⁵³.

Конечно, будет изрядным преувеличением заявить, что без нынешнего старосты деревня обречена, но та застройка берегов реки, которая ведется сегодня, является сугубо «дачной» по внешнему виду; по сути, былой облик сохранил только берег с часовней и тремя старыми домами, а остальная часть деревни мало-помалу теряет исконное своеобразие. «После Поташева», если республиканское

⁵² В Малых Корелах, в частности, довелось услышать от гостей этнографического парка, что «это все, конечно, красиво, но выглядит искусственно, неживое какое-то, одна природа спасает» (личный архив). А в Витославицах местный гид рассказывала (2016 г.), что дома собраны, безусловно, интересные, но лучше их наблюдать в естественной среде, если есть такая возможность.

⁵³ Ср. рассказ бывшей горожанки о вживании в сельский быт и при внесении в него городских черт: [Куприянов, Савина 2020, с. 18–21].

министерство культуры, национальные парки или соответствующие федеральные органы (или музеи – тот же музей деревянного зодчества «Малые Корелы», скажем, или музей-заповедник Кижии) не предпримут надлежащих мер, эти старинные постройки вполне могут исчезнуть – по любой причине. Да и природная территория вокруг деревни тоже может пострадать, поскольку заказник «Река Пяльма», за который бьются экологи вместе со старостой деревни, до сих пор числится в списке ООПТ (особо охраняемых природных территорий) Республики Карелия лишь как «перспективный» – с 2007 г. Между тем покушения на местный лес, по рассказу Поташева, случаются регулярно; он даже называет себя «единственным здешним защитником карельской тайги» (справедливость этого утверждения оставим на совести информанта). Словом, в Пяльме и окрестностях практически все, что связано с попытками сохранения исторического облика деревни, происходит при непосредственном участии старосты, и его роль в заботе о местном сельском наследии – понимаемом как совокупность природы и культуры – чрезвычайно велика, и это обстоятельство необходимо, безусловно, учитывать при анализе текущего бытования самой деревни и продуцируемого ею образа «новой сельскости».

Взгляду стороннего наблюдателя, туриста и искателя старины, знакомого с местным пейзажем только по «картинкам в Интернете», Пяльма в своем современном виде предстает таким музейным экспонатом под открытым небом, а не живой деревней (при том, что летом в ней довольно многолюдно⁵⁴). В этом своем «воплощении» деревня, как бы откликаясь на ожидания потенциальных туристов-горожан, желающих увидеть своими глазами «настоящую» сельскую жизнь, типизирует воображаемую традиционную сельскость Русского Севера в ее поонежском «изводе», и такая самодеятельная музеефикация оказывается востребованной. Добавлю, что в сегодняшней Карелии случай Пяльмы отнюдь не единичен – так, в заонежской деревне Леликово, почти опустевшей в 1960-х гг. и сохранившейся усилиями горожан-дачников (в основном бывших деревенских) тоже ведется самостоятельная и самодеятельная музеефикация деревенской территории ради сбережения поселения, которое уже более полувека не считается административной единицей [Нагурная 2019].

⁵⁴ По словам старосты, сравнительно недавно приезжал даже погостить и «погонять мячик» на местной спортплощадке (за историческими домами) второй состав ФК «Зенит» (Санкт-Петербург), в администрации которого работает один из уроженцев деревни (записано автором статьи в деревне Пяльма в августе 2021 г.).

Эта воображаемая «подлинная сельскость», опосредуемая горожанами, в сочетании с дачным досугом, который практикует большинство нынешних «сезонных» жителей Пяльмы и множества других карельских деревень, способна, безусловно, поддерживать существование исторического поселения какой-то срок (не исключаю, что длительный), однако о глубине запаса прочности, если не начнется активная застройка территории при сбережении ландшафта, остается лишь гадать.

Литература

- Аверкиева 2020 – *Аверкиева К.В.* Участие горожан в развитии сельской местности: Гостевые дома на Русском Севере // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 2. С. 66–72.
- Алексеев и др. 2020 – *Алексеев А.И., Васильева О.Е., Удовенко В.С.* Сельский образ жизни: опыт изучения на примере малых сел Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 3. С. 468–480.
- Архипова 2018 – *Архипова М.Н.* Феномен ностальгии на примере жителей Устьянского района Архангельской области // Исторические исследования: Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2018. № 3 (11). С. 122–131. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/200/496> (дата обращения 17.10.2024).
- Ахметова, Петров, Байдуж 2018 – Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / ред. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, М.И. Байдуж. М.: Неолит, 2018. 224 с.
- Богданова, Бредникова 2013 – Вдали от городов: жизнь постсоветской деревни / под. ред. и с предисл. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2013. 115 с.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 228 с.
- Вандышев и др. 2022 – *Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямякова Е.В.* Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 69–94.
- Виноградская 2018 – *Виноградская О.Я.* Онтологические основания переезда горожан в деревню // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 123–135.
- Гаврилова 2016 – *Гаврилова К.А.* Возвращение народной культуры народу: правильная Масленица и методическое руководство сельской самодеятельности // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 27–43.
- Дранникова 2017 – *Дранникова Н.В.* «Патракеевка – поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 5–23.

- Дручевская, Авилова 2014 – *Дручевская Л.Е., Авилова Н.Л.* Региональная модель туристского продукта в Московской области – «Историческая деревня» // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 2 (49). С. 3–10.
- Желамский 2018 – *Желамский А.Г.* Неугасимая Родина: к теме образного восприятия ландшафтов // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 4. С. 95–110.
- Иванова 2019 – *Иванова А.А.* «Узелковое письмо» локальной идентичности: К вопросу о современных формах сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации // Кенозерские чтения – 2019: Гражданские инициативы в заповедном укладе: сб. материалов IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Архангельск: Национальный парк «Кенозерский», 2019. С. 161–171.
- Калугина, Фадеева 2009 – *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: Социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. 338 с.
- Ковалев 2009 – *Ковалев И.В.* К вопросу о направлениях миграции сельского населения РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 3–1. С. 70–76.
- Колосков 2021 – *Колосков Е. А.* (Военно-) историческая реконструкция в России как символ прошлого в политике памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2021. С. 213–233.
- Королев 2018 – *Королев К.М.* Проблематика деятельности негосударственных музеев Северо-Запада // Пространство памяти. 2017. Вып. 3–4 (7). С. 7–13. URL: <http://patriacenter.ru/mag/> (дата обращения 17.10.2024).
- Королев 2019 – *Королев К.М.* Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: Славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. СПб.: Нестор-История, 2019. 376 с.
- Королев 2021 – *Королев К.М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2021. С. 199–213.
- Куприянов, Савина 2020 – *Куприянов П.С., Савина Н.А.* Современный музей русской деревни: производство сельскости бывшими горожанами // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 12–30.
- Лебедев 2007 – *Лебедев А.В.* Исчезающие малые глубины (две заметки к проблеме «Музей и местное сообщество») // Музей и личность: Методические материалы для музеев Московской области. М.: РИК: Министерство культуры МО, 2007. С. 127–135.
- Мазур 2005 – *Мазур Л.Н.* Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–36.
- Манаков 2002 – *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2002. 300 с.

- Мастеница 2020 – *Мастеница Е.Н.* Социокультурные практики музеев малых городов России как фактор регионального развития // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2020. № 2 (55). С. 72–78.
- Мельникова 2019 – *Мельникова Е.А.* «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 6–22.
- Мельникова 2020а – *Мельникова Е.А.* Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 5–11.
- Мельникова 2020б – *Мельникова Е.А.* Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 88–105.
- Миронова 2010 – *Миронова Н.И.* Социокультурные процессы формирования местных сообществ (по результатам исследования в пилотных регионах) // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития / под ред. Ю.М. Резника, Н.И. Мироновой. М.: РИК, 2010. С. 136–179.
- Морозова 2006 – *Морозова Т.В.* Механизмы социальной самоорганизации сельских сообществ: опыт и результаты исследования социального партнерства в Республике Карелия // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2006. Вып. 9. С. 162–174.
- Нагурная 2019 – *Нагурная С.В.* Культурное наследие одной исчезнувшей заонежской деревни // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. № 1. С. 116–124.
- Неплюев 2020 – *Неплюев П.А.* «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
- Нефедова 2013 – *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
- Нефедова 2019 – *Нефедова Т.Г.* Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56.
- Никифорова 2012 – *Никифорова Е.* «Торговцы красотой»: заметки о ребрендинге эстонской деревни // Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни. М.: ГРЦРФ, 2012.
- Осипов и др. 2019 – *Осипов А.Ю., Ляхтээнмяки М., Илмолахти О., Карху Я.* Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 113–131.
- Пермиловская 2011 – *Пермиловская А.Б.* Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера // Регионоведение. 2021. № 2 (75). С. 313–324.
- Петриков 2020 – *Петриков А.В.* Станет ли пандемия катализатором деурбанизации? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 154–164.

- Петрова 2013 – *Петрова Н.С.* Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейкlorная карта России // Фольклор XXI века: Герои нашего времени. М.: ГРЦРФ, 2013. С. 30–38.
- Пономарева и др. 2022 – *Пономарева И.Ю., Танкиева Т.А., Слемзина А.О.* Повышение attractiveness малых исторических поселений Тульской области как объектов туризма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 151–164.
- Прилуцкий, Лебедев 2020 – *Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю.* Образ деревни в дискурсах псевдотрадиционализма // Культура и искусство. 2020. № 2. С. 34–43.
- Прохорович 2017 – *Прохорович Е.В.* Арт-коммуникации в системе формирования региональной идентичности // Ценности и смыслы. 2017. № 1. С. 51–57.
- Разувалова* 2015 – *Разувалова А.В.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М.: НЛЮ, 2015. 616 с.
- Родоман 2011 – *Родоман Б.Б.* Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 47–53.
- Селиваненко 2015 – *Селиваненко А.М.* Экомузей в Сибири как новая форма музеефикации // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. Ч. 2. С. 320–324.
- Сельская Россия 2019 – Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения XV научно-практической конференции, посвященной 30-летию общества «Энциклопедия российских деревень» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 октября 2019 г.). М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2019. 440 с.
- Старовойтенко 2021 – *Старовойтенко А.Д.* Месть NOSTOS: о значении места в исследованиях ностальгии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 41–53.
- Судьбы 1995 – Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1995. 624 с.
- Усов 2021 – *Усов А.А.* Крестьянский дом как фактор формирования культурного ландшафта Русского Севера и Арктики (на примере с. Пурнема) // Культура и искусство. 2021. № 4. С. 1–18.
- Черкаева 2019 – *Черкаева О.Е.* Современный музейный ландшафт и новые тенденции музейной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4 (41). С. 131–136.
- Чернега 2020 – *Чернега А.А.* «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3 (23). С. 51–77.
- Чернов 2021 – *Чернов С.З.* Два погоста, одно племя: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья // Русь в XIII–XV вв.: Новые открытия в области археологии и истории / Ин-т археологии РАН; Ин-т российской истории РАН. М.: Индрик, 2021. С. 119–153.

- Шабаетв и др. 2012 – *Шабаетв Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России: Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 134–153.
- Шехватова 2021 – *Шехватова Е.В.* Современное состояние и перспективы развития частных музеев России // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2021. № 4 (30). С. 36–44.
- Штырков 2016 – *Штырков С.А.* «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 44–57.
- Deitch 1987 – *Deitch L.* The impact of tourism on the arts and crafts of the Indians of the Southwestern United States // Hosts and guests. The anthropology of tourism / ed. by V.L. Smith. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. P. 223–236.
- Darieva et al. 2018 – Sacred places, emerging spaces. Religious pluralism in the post-Soviet Caucasus / ed. by T. Darieva, F. Muhlfried, K. Tuite. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. 235 p.
- Habeck 2019 – Lifestyle in Siberia and the Russian North / ed. by J. Habeck. Cambridge: Open Book Publ., 2019. 488 p.
- Horáková et al. 2018 – Utopia and neoliberalism. Ethnographies of rural spaces / ed. by H. Horáková, A. Boscoboinik, R. Smith. Berlin: Lit-Verlag, 2018. 256 p.
- Ilbery, Bowler 1998 – *Ilbery B., Bowler I.* From agricultural productivism to post-productivism // The geography of rural change. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
- MacCannell 1976 – *MacCannell D.* The tourist. A new theory of the leisure class. N.Y.: Schocken books, 1976. 280 p.
- Milano et al. 2019 – *Milano C., Novelli M., Cheer J.M.* Overtourism and degrowth. A social movement perspective // Journal of Sustainable Tourism. 2019. No. 27. P. 18–58.
- Oushakine 2007 – *Oushakine S.* “We’re nostalgic but we’re not crazy”. Retrofitting the past in Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482.
- Panzer-Krause 2019 – *Panzer-Krause S.* The lost rural idyll? Tourists’ attitudes towards sustainability and their influence on the production of rural space at a rural tourism hotspot in Northern Ireland // Journal of Rural Studies. 2019. Vol. 80. P. 234–245.
- Paxson 2005 – *Paxson M.* Solovyovo, The story of memory in a Russian village. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2005. 389 p.

References

- Afanas'ev, Yu.N., ed. (1995), *Sud'by rossiiskogo krest'yanstva* [Destinies of Russian peasantry], RGGU, Moscow, Russia.
- Akhmetova, M.V., Petrov, N.V. and Baiduzh, M.I., eds. (2018), *Voobrazaemaya territoriya: ot lokal'noi identichnosti do brenda* [The imaginable territory – from local identity to a brand], Neolit, Moscow, Russia.

- Alekseev, A.I., Vasil'eva, O.E. and Udovenko, V.S. (2020), "A rural way of life. A study of small villages in the Leningrad region", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 65, no. 3, pp. 468–480.
- Arkhipova, M.N. (2018), "A phenomena of nostalgia by the example of residents in the Ustiansky district of the Arkhangelsk region", *Istoricheskie issledovaniya: Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*, vol. 11, no. 3, pp. 122–131, available at: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/200/496> (Accessed 17 Oct. 2024).
- Averkieva, K.V. (2020), "Participation of city dwellers in rural development. Guest houses of the Russian North", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 2, pp. 66–72.
- Bogdanova, E. and Brednikova, O., eds. (2013), *Vdali ot gorodov: zhizn' postsovetsoi derevni* [Far from cities. The life of the post-Soviet villages], Aleteiya, Istoricheskaya kniga, Saint Petersburg, Russia.
- Bourdieu, P. (2007), *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Ce que parler veut dire: l'économie des échanges linguistiques], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Cherkaeva, O.E. (2019), "The modern museum landscape and some new trends in museum activities", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 41, no. 4, pp. 131–136.
- Chernega, A.A. (2020), "The power of local communities'. Practices, tools and schemes of local participation in the sociocultural territory development (small localities of the Vologda region)", *The Journal of Sociologii and Social Antropology*, vol. 23, no. 3, pp. 51–77.
- Chernov, S.Z. (2021), "Two graveyards, one tribe. A paper of 1375 and mechanisms of Vepps colonization of the Novgorod Obonezh'je", in *Rus' v XIII–XV vv.: Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii* [Russia in the 13th – 15th centuris. New discoveries of archeology and history], Institut arkheologii RAN, Institut rossiiskoi istorii RAN, Indrik, Moscow, Russia, pp. 119–153.
- Darieva, T., Muhlfried, F., Tuite, K., eds. (2018), *Sacred Places, Emerging Spaces: Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus*, Berghahn Books, N.Y. and Oxford, UK.
- Deitch, L. (1987), "The impact of tourism on the arts and crafts of the Indians of the Southwestern United States", in Smith, V.L., ed., *Hosts and guests. The anthropology of tourism*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA, pp. 223–236.
- Drannikova, N.V. (2017), "'Patrakeevka is a Pomor village'. Specifics of local identity in the Primosky district of the Arkhangelsk region", *Arktika i Sever*, no. 28, pp. 5–23.
- Druchevskaya, L.E. and Avilova, N.L. (2014), "A regional model of a tourist product in the Moscow region – 'The historical village'", *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 49, no. 2, pp. 3–10.
- Gavrilova, K.A. (2016), "The return of the popular culture to people. The proper Shrovetide and methodic guidance of rural activities", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 27–43.

- Habeck, J., ed. (2019), *Lifestyle in Siberia and the Russian North*, Open Book Publ., Cambridge, UK.
- Horáková, H., Boscoboinik, A. and Smith, R., eds. (2018), *Utopia and neoliberalism. Ethnographies of rural spaces*, Lit-Verlag, Berlin, Germany.
- Ilbery, B. and Bowler, I. (1998), "From agricultural productivism to post-productivism", in *The geography of rural change*, Longman, Harlow, UK, pp. 57–84.
- Ivanova, A.A. (2019), " 'Talking knots' of local identity. To the modern forms of historical, ethnic and culture representation by the local community", in *Kenozerskie chteniya – 2019: Grazhdanskie initsiativy v zapovednom uklade: sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Natsional'nyi park "Kenozerskii", Arkhangelsk, Russia, pp. 161–171.
- Kalugina, Z.I. and Fadeeva, O.P. (2009), *Rossiiskaya derevnya v labirinte reform: Sotsiologicheskie zarisovki* [The Russian village in the labyrinth of reforms. Sociological scenes], Izdatel'stvo IEOPP SO RAN, Novosibirsk, Russia.
- Koloskov, E.A. (2021), (War-) and historical reconstruction in Russia as a symbol of the past in the memory politics", in *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic aspects of memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 213–233.
- Korolev, C.M. (2018), "Problematics in the activities of non-state museums in the North-West", *Prostranstvo pamyati*, vol. 7, no. 3–4, pp. 7–13, available at: <http://patriacenter.ru/mag/> (Accessed 6 Dec. 2023).
- Korolev, C.M. (2019), *Poiski natsional'noi identichnosti v sovetskoj i postsovetskoj massovoi kul'ture: Slavjanskii metasyuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve* [The quest for national identity in the Soviet and post-Soviet popular culture. The Slavic metaplot in the Russian cultural space], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Korolev, C.M. (2021), " 'The return of history'. Public museum initiatives through the lens of memory politics", *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic aspects of memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 199–213.
- Kovalev, I.V. (2009), "On the directions of migration for rural population in the Russian Federation", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, no. 3–1, pp. 70–76.
- Kupriyanov, P.S. and Savina, N.A. (2020), "A modern museum of the Russian village. The production of rural life by former city dwellers", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 12–30.
- Lebedev, A.V. (2007), "The apparently shallow waters (two notes to the issue of museums and local communities)", *Muzei i lichnost': Metodicheskie materialy dlya muzeev Moskovskoi oblasti* [A museum and a personality. Methodic materials for the Moscow region museums], RIK, Ministerstvo kul'tury MO, Moscow, Russia, pp. 127–135.

- MacCannell, D. (1976), *The tourist. A new theory of the leisure class*, Schocken books, New York, USA.
- Manakov, A.G. (2002), *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoi ravniny: dinamika, struktura, ierarkhiya* [The geocultural space of the North-Western Russian plain. Dynamics, structure and hierarchy], sentr sotsial'nogo proektirovaniya "Vozrozhdenie", Pskov, Russia.
- Mastenitsa, E.N. (2020), "Sociocultural practices of museums in the Russian towns as a factor of regional development", *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, vol. 55, no. 2, pp. 72–78.
- Mazur, L.N. (2005), "The politics of restoration in the Russian villages (the end of 1950s – 1980s)", *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 25–36.
- Mel'nikova, E.A. (2019), " 'The Russian spirit is here'. On the history of the Russian North in symbolic map of imaginable Russia", *Kunstkamera*, vol. 3, no. 1, pp. 6–22.
- Mel'nikova, E.A. (2020), "A village in urban projections of the modern Russian people", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 5–11.
- Mel'nikova, E.A. (2020), "Life stories of city-to-village migrations and rhetoric of self-transformation in the modern Russia", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 88–105.
- Milano, C., Novelli, M. and Cheer, J.M. (2019). "Overtourism and degrowth. A social movement perspective", *Journal of Sustainable Tourism*, no. 27, pp. 18–58.
- Mironova, N.I. (2010), "Sociocultural processes in forming the local communities (on the base of some pilot studies)", in Reznik, Yu.M. and Mironova, N.I., eds., *Mestnye soobshchestva: problemy sotsiokul'turnogo razvitiya* [Local communities. Trends of sociocultural development], RIK, Moscow, Russia, pp. 136–179.
- Morozova, T.V. (2006), "Mechanisms of social self-organization in rural communities. The results of studying the social partnership in the Republic of Karelia", in *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Works of the Karelia RAS Science Center], iss. 9, Petrozavodsk, Russia, pp. 162–174.
- Nagurnaya, S.V. (2019), "The cultural heritage of a vanished village beyond the Onega lake", *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 51, no. 1, pp. 116–124.
- Nefedova, T.G. (2013), *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii: otvety geografa* [Ten current questions on the rural Russia. Answers by a geographer], Lenand, Moscow, Russia.
- Nefedova, T.G. (2019), "Development of the post-Soviet agrarian sector and polarization of rural space in the European part of Russia", *Spatial Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 36–56.
- Neplyuev, P.A. (2020), " 'If one is indifferent to the heritage of his country, he is indifferent to his country'. A historiographical overview of historical and cultural activism in the post-Soviet period", *Kul'turnyi kod*, no. 3, pp. 38–49.
- Nikiforova, E. (2012), " 'The beauty sellers'. Notes to the re-branding of an Estonian village", in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetskoi derevni* [Away from cities. Post-Soviet rural landscapes], GRTSRF, Moscow, Russia.

- Osipov, A.Yu., Lyakhteenmyaki, M., Ilmolakhti, O. and Karkhu, Ya. (2019), "Commodification of the nature. The Ladoga skerries national park", *Universe of Russia*, vol. 28, no. 3, pp. 113–131.
- Oushakine, S. (2007), "'We're nostalgic but we're not crazy'. Retrofitting the past in Russia", *The Russian Review*, vol. 66, no. 3, pp. 451–482.
- Panzer-Krause, S. (2019), "The lost rural idyll? Tourists' attitudes towards sustainability and their influence on the production of rural space at a rural tourism hotspot in Northern Ireland", *Journal of Rural Studies*, vol. 80, pp. 234–245.
- Paxson, M. (2005), *Solovyovo, The story of memory in a Russian village*, Woodrow Wilson Center Press, Washington, DC, distributed by Indiana University Press, USA.
- Permilovskaya, A.B. (2011), "The issue of cultural landscapes preservation in the historical Russian North villages", *Regionologiya*, vol. 75, no. 2, pp. 313–324.
- Petrikov, A.V. (2020), "Will the pandemic be a catalyzer of de-urbanization?", in *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Russian Free Economic Society], vol. 223, no. 3, pp. 154–164.
- Petrova, N.S. (2013), "The Kikimora of Vyatka, the Koschey of Tver, or a fake-lore map of Russia", in *Fol'klor XXI veka: Geroi nashego vremeni* [Folklore of the 21st century. Heroes of our times], GRTsRF, Moscow, Russia, pp. 30–38.
- Ponomareva, I.Yu., Tankieva, T.A. and Slemzina, A.O. (2022), "How to increase the attractiveness of small historical places as tourist objects in the Tula region", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 151–164.
- Prilutskii, A.M. and Lebedev, V.Yu. (2020), "The image of a village in the pseudo-tradition discourses", *Kul'tura i iskusstvo*, no. 2, pp. 34–43.
- Prokhorovich, E.V. (2017), "Art communications as a factor of local identity", *Tsennosti i smysly*, no. 1, pp. 51–57.
- Razuvalova, A.V. (2015), *Pisатели-"derevenshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh gg.* [The "village prose" writers. Literature and conservatism in the 1970s], NLO, Moscow, Russia.
- Rodoman, B.B. (2011), "A traditional cultural landscape. Most profound issues of typology, region specifics and imagination", *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniï kul'tury*, vol. 5, no. 4, pp. 47–53.
- Sel'skaya Rossiya: proshloe i nastoyashchee: doklady i soobshcheniya XV-i nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu obshchestva "Entsiklopediya rossiiskikh dereven'"* (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 22 oktyabrya 2019 g.) [The rural Russia. The past and the now. Reports and information of the XV scientific-practical Conference on the occasion of the 30th anniversary of the society "Encyclopedia of Russian Villages" (Lomonosov Moscow State University, October 22, 2019). Moscow] (2019), VIAPI im. A.A. Nikonova, *Entsiklopediya rossiiskikh dereven'*, Moscow, Russia.
- Selivanenko, A.M. (2015), "An eco-museum in Siberia as a new form of museefication" in *Balandinskie chteniya* [The Balandin Conference], vol. 10, part 2, pp. 320–324.

- Shabaev, Yu.P., Zherebtsov, I.L. and Zhuravlev, P.S. (2012), “The Russian North. Cultural limits and meanings”, *Universe of Russia. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 21, no. 4, pp. 134–153.
- Shekhvatova, E.V. (2021), “The current state and prospects of development of Russian private museums”, *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*, vol. 30, no. 4, pp. 36–44.
- Shtyrkov, S.A. (2016), “ ‘A templet over a quiet river’. The classic Russian art and the soviet landscape patriotism”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 44–57.
- Starovoitenko, A.D. (2021), “A ravenge of NOSTOS. On the meaning of a place in the nostalgia studies”, *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 13, no. 2, pp. 41–53.
- Usov, A.A. (2021), “A peasant house as a factor of cultural landscape in the Russian North and the Arctic region (village of Purnema)”, *Kul'tura i iskusstvo*, no. 4, pp. 1–18.
- Vandyshchev, M.N., Veselkova, N.V. and Pryamikova, E.V. (2022), “Memory landscape – a notion and the application”, *Sotsiologiya vlasti*, vol. 34, no. 1, pp. 69–94.
- Vinogradskaya, O.Ya. (2018), “The ontological grounds for the move of urban dwellers to villages”, *Krest'yanovedenie*, vol. 3, no. 4, pp. 123–135.
- Zhelamskii, A.G. (2018), “The unquenchable homeland. On the subject of artistic landscape perception”, *Nasledie i sovremennost'*, vol. 1, no. 4, pp. 95–110.

Информация об авторе

Кирилл М. Королев, кандидат филологических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А; cyril.korolev@gmail.com

Information about the author

Ciril M. Korolev, Cand. of Sci. (Philology), N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32-A, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; cyril.korolev@gmail.com